

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)7

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. Л. Г. Хорева
г. Москва, Россия

**БУДДИСТСКИЕ И АНТИЧНЫЕ МИФОЛОГЕМЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ В. ПЕЛЕВИНА
КАК ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА**

Аннотация: Конец XX и начало XXI вв. были ознаменованы социальными катаклизмами и распадом существующих социальных отношений. Гуманистические идеи классической литературы, утверждавшие абсолютную ценность личности, вступили в противоречия с набиравшими силу процессами обесценивания индивидуального «Я». В этих условиях новейшая русская литература подвергает переосмыслению принцип антропоцентризма. Автор статьи предлагает рассмотреть в прозе Пелевина буддистские и античные мифологемы, симбиоз которых символичен, так как знаменует восточную и западную ментальность страны. Уникальный сплав отражения окружающей действительности с системой архетипических образов привело к созданию концепции индивидуальных мифов, что ставит В. Пелевина в один ряд с такими постмодернистами, как В. Аксенов, В. Сорокин, Ю. Мамлеев. Мифологемы стали базисом новейшей постмодернистской литературы, так как апеллировали к догматам традиционного общества и способствовали выработке новых поведенческих стратегий и защиты от возможных опасностей окружающего мира. Автор статьи приходит к выводу, что для прозы В. Пелевина характерно оперирование архаическими мифологемами, которые становятся подвидом интертекстуальности, предлагая читателю новую структурно-логическую сетку и новые ассоциативные характеристики.

Ключевые слова: мифологема, Пелевин, новейшая русская литература, картина мира, буддизм, античность, постмодернизм.

Информация об авторе: Лариса Георгиевна Хорева — кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, 125993 г. Москва, Россия. E-mail: novella2000@mail.ru

Дата поступления статьи: 18.09.2018

Дата публикации: 28.12.2019

Для цитирования: Хорева Л. Г. Буддистские и античные мифологемы в творчестве В. Пелевина как отражение современной картины мира // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 257–264.

Виктор Пелевин — один из самых неоднозначных писателей современности. Представив широкой публике свои работы в начале 1990-х гг., В. Пелевин сразу обретает известность у широкой аудитории, хотя отзывы профессиональных критиков оставляли желать много лучшего. Внелитературные аспекты, новая поведенческая стратегия, предложенные В. Пелевиным в его произведениях, стали поводом для фи-

ологов и культурологов говорить о появлении новой картины мира в русской среде, о рождении неомифологизма, о возврате к архаическому сознанию как новой точке отсчета. Сам автор только подогревал интерес к своим книгам, предлагая каждый раз вариативный взгляд на реальность, что привело к появлению концепции так называемых «индивидуальных мифов», которые в случае сюжетов В. Пелевина представляли собой уникальный сплав отражения окружающей действительности с системой архетипических образов, буддистских и античных мифологем, что дало основания многочисленным критикам и исследователям его творчества причислить его к русским постмодернистам, поставив в один ряд с В. Аксеновым, В. Сорокиным, Ю. Мамлеевым.

Со временем вся полемика вокруг книг В. Пелевина была сведена к оппозиции «высокого» и «низкого» постмодернизма. В своей работе «Русский литературный постмодернизм» В. Курицын предлагает убедиться в этом на примере произведений У. Эко — творца интеллектуальных романов для духовной элиты — и В. Пелевина, словно лаком покрывающего тонким интеллектуальным слоем бульварную литературу [3].

Принадлежность к литературе постмодернизма действительно становится отправной точкой в анализе прозы В. Пелевина. Постмодернизм, возникший как течение после окончания Второй мировой войны, как реакция отторжения на существовавшие ценности, законы и условия, провоцирует появление новых точек опоры. В России свою лепту в разрушение существующих ценностей внесли также 90-е гг. прошедшего столетия. Человек начинает осознавать, что прежний опыт освоения реальности уже не работает, потому продолжать мыслить и существовать в подобном ключе уже невозможно в принципе. На смену веры в достижения науки приходит осознание заведомой неоправданности существования сколько-нибудь аутентичной картины мира.

Постмодернизм обращается к догматам традиционного общества, предшествовавшего модернизму, где мифологическое сознание играет одну из первостепенных ролей. Мифологемы становятся базисом новой литературы — литературы постмодернизма.

Новейшая русская литература не стала исключением в общемировом течении. Принципы постмодернизма, замешанные на мифологическом сознании, и широкое использование древнейших мифологем и архетипов широко представлены в творчестве Л. Улицкой, Т. Толстой, Ю. Буйды, В. Пелевина и целого ряда других писателей.

Что же такое мифологическое (или, по мнению ряда исследователей, архаическое сознание)? Если подвести существующий объем исследований на эту тему под единый знаменатель, то мифологическое сознание можно определить как иррациональный способ духовного самоопределения и самоидентификации социальной группы в ходе освоения мира. В. М. Пивоев, автор фундаментального труда о мифологическом сознании, отдельно отмечает тот факт, что мифологическое сознание формируется и развивается на такой стадии развития человечества, когда вербальная речь еще не сформирована, потому вербально-понятийное мышление опирается исключительно на эмоционально-иконические образы [12]. Потому освоение мира и выработка защитных механизмов реакции представляет собой осмысление окружающей действительности в образно-символической форме. Поскольку главной целью освоения пространства является выработка защитных механизмов против возможных опасностей и удовлетворение человеческих потребностей, миф призван создать вполне конкретную и напряженную форму реальности, максимально четко обозначив все категории, связанные с возможными опасностями и путями их преодоления.

А. Лосев, Я. Голосовкер, Дж. Фрезер, М. Мамардашвили проводят четкий водораздел между рациональностью мифологического сознания и реальными условиями жизни индивида [5; 2; 14; 7]. Мифологическое сознание предполагает существование мифологической (иными словами, фантастической) реальности, порой доходящей до абсурда, поскольку она не ограничена в своей свободе воображения никакими рамками. А. Лосев предлагает рассматривать такой тип свободы как компенсаторный, предполагающий, что человек хотя бы в мечтах сможет удовлетворить свои желания и избежать опасности, если в реальности такое не осуществимо.

Ю. Першин в работе «Архаическое сознание: сущность и принципы» предлагает разделить понятия «миф» и «архаическое сознание», что по нашему мнению является совершенно оправданным [11]. Еще А. Лосев писал о том, что механизмы образования мифов различны. В архаическом сознании человек при помощи мифа вербализует то, что ему сообщает мир. Иными словами, архаическое сознание воспринимает миф не как сказку (что было свойственно позднему сознанию), а как важное сообщение, которое должно быть услышано и усвоено. Разницу между двумя типами мифов Ю. Першин предлагает видеть в следующем: миф архаического сознания систематизирует мир; демонстрирует существующие закономерности, отражает строение мира как такового и место человека в нем, вместе с тем предупреждает человека о возможных последствиях тех или иных поступков. Опираясь на исследования В. М. Пивоева, можно сделать вывод, что архаическое сознание иррационально по своей сути. Оно всегда увидит и опишет то, человек в принципе не способен увидеть. Для описания мифа (отражающего представленную реальность и комбинирующую в себе знаковые системы как традиционного синкретического общества, так и эпохи модерна, постмодерна, метамодерна) архаическое сознание склонно использовать идеограмматический язык — язык мифологем.

Выхваченные фрагменты реальности, словно кусочки мозаики, формируют целостную картину. Мифологическое сознание, как правило, акцентирует внимание только на значительных фактах, восстанавливая своеобразную первобытную метафору описания универсума.

Словесно сформированный текст как будто оборачивается назад, к зрительно-иконическим образам, которые в итоге запоминаются реципиентом.

Для поэтики как короткой прозы, так и романов В. Пелевина характерно оперирование архаическими мифологемами, становящимися своего рода подвидом интертекстуальности, или, говоря словами И. П. Смирнова, «интер<...>реальностью», отсылающей к иным текстам, литературным или существующим в смежных видах искусства [13].

Эта «интер<...>реальность» становится визитной карточкой прозы В. Пелевина, масштабно взрывая художественное время и художественное пространство, создавая эффект, подобно новеллистическому пуанту, который шокирует читателя и делает невозможным дальнейшее повествование.

Однако это замечание в большей степени справедливо по отношению к малой прозе, образцы которой в подавляющем большинстве построены на буддистских мифологемах.

Обратимся к примерам. В рассказе «Бубен верхнего мира» повествование, начинающееся как вполне заурядное происшествие, оборачивается в итоге фантазмагорией. Таня, наладившая, по ее мнению, удачный бизнес по организации браков русских девушек с иностранцами с тем, чтобы первые смогли получить гражданство какой-

либо западной державы, выбрала неординарный путь поиска кандидатов на роль мужей: в этом качестве выступают погибшие в 1941–1945 гг. немцы. Помощницей Тани является шаманка Тыймы, которая вызывает дух погибшего и помогает его материализации на ближайшие три года. Подруга Тани, Маша, уставшая от неустроенности и также жаждущая обрести свое счастье с помощью такого жениха с того света, решает сопровождать Таню в ее поездке к разбившемуся немецкому самолету. Камлание шаманки приводит к неожиданному результату: выясняется, что в нижнем мире искомого кандидата нет, тогда Таня просит Тыймы открыть ворота в верхний мир при помощи другого бубна. На этот раз гость приходит, больше из-за раздражения, что его оторвали от важных дел, но, к разочарованию Тани, он оказывается советским летчиком, перегонявшим немецкий самолет на свой аэродром. Поговорив с гостем, Таня и Тыймы уходят, но Маша, получившая от летчика подарок — дудочку и объяснение в любви, глубоко задумывается над произошедшим и уже не слушает свою подругу, которая обещает ей других женихов.

Здесь в полной мере проявляют себя несколько мифологем или «мифологических архетипов» — мифологема мирового древа, связывающего нижний мир (мир демонов), средний мир (мир людей) и верхний мир (мир богов); мифологема смерти; мифологема мертвого жениха. Новелла уникальна в том плане, что все названные выше мифологемы являются универсальными, их можно встретить как в ранних восточных духовных практиках, так и в скандинавском, и в славянском фольклоре.

Другие новеллы, повести и романы В. Пелевина такой универсальностью не отличаются, в подавляющем большинстве разрабатывая только одну, доминантную мифологему.

Так, в новеллах «Бубен нижнего мира», «Встроенный напоминатель», «Водонапорная башня», «Гость на празднике Бон», «Жизнь и приключения сарая номер XII», «Гадание на рунах», «Нижняя тундра», «Вести из Непала» и многих других присутствует единственная буддистская модель картины мира с ее отрицанием индивидуальной души, «самости» человека. Отрицание «я» здесь возводится в культ, и вместе с «я» отрицаются все его предикаты, все предметы и объекты, который могут попасть под знаменатель «мой». Согласно учению о дхарме, его может претендовать на определенный статус своего бытия благодаря моменту обусловленности и совокупности пяти элементов, но в любой момент этот статус может быть разрушен из-за изменчивости и непостоянства этого союза элементов. Это знание еще более усиливает иллюзорность человеческого бытия.

Нетрудно заметить, что буддистские мифологемы отрицания самости как нельзя лучше отписывали картину миру постсоветского человека: отрицание «Я» и своей индивидуальности ставили под вопрос существование самого социума и любых социальных связей. Понятие «пустоты» — шуньяты (ставшего центральным понятием всего махаянского буддизма и считавшегося оптимальным способом познания вещей как таковых и одновременно ставшего духовной терапией, культивировавшей терпение и духовную силу) совпало с мироощущением многих людей после развала СССР.

С другой стороны, нельзя забывать об исторической картине существования буддизма. Учение не только отрицает самость бытия, напротив, оно изобилует герменевтическими загадками: призыв к преодолению своего «я» никогда не сводился буддистами к его полному забвению. Канонические тексты буддизма призывают преодолеть пассивное созерцание и активно идти по пути, не теряя ни одной минуты своей жизни. Иными словами, человек должен избавиться от всего наносного и иллюзорного, что поможет ему увидеть истинное положение вещей, найти свой внутренний мир.

Новеллы В. Пелевина разрабатывают сюжеты, которые в лучших традициях буддизма направлены на выстраивание онтологии жизненного мира и жизненных отношений. Человек измеряет и оценивает вселенную, вселенная измеряет и оценивает человека. Следовательно, мера человека по своей сути относительна и релятивна, объект меры становится космоцентричным, а не антропоцентричным, в отличие от античной философии, которая во главу угла всегда ставит человека, то есть является изначально антропоцентричной.

Античные мифологемы в полной мере проявляют себя в крупных формах.

Так, в романе «Числа» главный герой Степан с раннего детства решает заключить союз с магическими числами, сначала с семеркой, потом с числом «34», и, наконец, с числом «60». Выбрав число в качестве собственного защитника, Степан всю свою жизнь подчиняет этому числу, наполняя свое существование магическими ритуалами, непонятными и бессмысленными для окружающих, но обязательными для него самого. Для самого Степана правильность выбранной стратегии подтверждается успешными финансовыми операциями, так что иррациональное начало победило рациональное. Магия чисел, борьба с числом — перевертышем, ознаменовавшим темный период в жизни Степана, перевернули всю жизнь главного героя, который в итоге решает поклоняться новому божеству — числу «60», приняв во внимание, что его перевертыш — «06» — не может быть опасным.

Как и в короткой прозе В. Пелевина, где буддистские мифологемы об иллюзорности бытия оборачиваются полной своей противоположностью — активным поиском истинного смысла бытия, магия чисел вовсе не является в романе В. Пелевина безусловным иррациональным началом, как это может показаться на первый взгляд. Иррациональное поведение героя становится оборотной стороной его рациональности. Достаточно вспомнить, что концепт «рациональное», в смысле «разумный», «рассудительный», впервые возникает у пифагорейцев и впоследствии зафиксирован в знаменитом сочинении «Начала» Евклида, где и появляются термины «рациональное» и «иррациональное». Пифагорейцы и их последователи все вещи уподобили числам, которые представлялись как первичный материал по отношению ко всем прочим вещам. Комбинации цифр становились описанием добродетели и порока, справедливости и пристрастности, добра и зла.

Подобные архетипические мифокультурные матрицы античной культуры можно проследить в других крупных формах писателя: роман «Омон Ра» — мифологема Икара и прерванного полета; фантазмагория «Шлем ужаса: креатифф о Тесее и Минотавре», как уже следует из самого названия, разрабатывает мифологему лабиринта, архетипы Тесея и Минотавра, неизменно появляющихся каждый раз во время любого разговора с кем-либо или даже с самим собой (любой дискурс становится лабиринтом, а каждый из участников диалога неизменно примеряет на себя роль Тесея или Минотавра, иногда поочередно меняя маски); роман «Ампир В» — мифологемы вампира и вампиризма, симбиоза человека и летучей мыши, которая также является плотью от плоти античной, хотя и не получила там такого широкого распространения, какое имела в дальнейшем в фольклоре разных этносов.

Многочисленные аллюзии на аккадские, шумерские и египетские мифологемы также много свести к античной мифологии, которая весьма рационально переработала и впитала в себя восточный материал. Мы полагаем, что ключевым словом здесь будет именно «рациональность», поскольку античная философия и связанные с ней литература и культура во главу угла ставили именно ее, стремясь таким образом преодолеть существующий хаос и коллапс.

Переходная эпоха XX–XXI вв., по мнению современных философов, отличается так называемой пострациональной моралью, которая отражает расшатанность и подорванность прежних устойчивых социальных критериев: структуры общества, социальных и гендерных ролей, отношений между членами социума.

Литература, будучи одним из кирпичиков картины мира социума, призвана обеспечить действие защитных механизмов, спасающих членов данного социума от потрясений и стабилизирующих уклад жизни. Обращение к мифотворчеству само по себе становится таким защитным механизмом у этносов так называемых периферийных (или лиминальных) культур, т. е. тех, которые находятся в пограничных зонах. К таким лиминальным общностям культурологи относят иберийскую, балканскую, турецкую, русскую и латиноамериканскую культуры.

Детальный анализ предложенного защитного механизма показывает, что, несмотря на внешнее отрицание существующей нормативно-ценностной системы современной жизни, предложенная новейшей русской литературой в лице В. Пелевина защитная стратегия вовсе не предполагает уход от жизни либо ее пассивное созерцание. Вплетенные в сюжет восточные и античные (т. е. западные, поскольку античность стала колыбелью западной культуры) мифологемы подсознательно инициируют активное включение в процесс постижения и поиска своего пути, исходя из семантического анализа понятия «рациональность», что в итоге предлагает читателю новую структурно-логическую сетку и новые ассоциативные характеристики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Пелевин В. Все рассказы. М.: Эксмо, 2010. 512 с.
- 2 Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. 217 с.
- 3 Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2000. 289 с.
- 4 Лейдерман Н., Липовецкий М. Между хаосом и космосом // Новый мир. 1991. № 7. С. 240–257.
- 5 Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений. М.: Правда, 1991. С. 393–646.
- 6 Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
- 7 Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М.: Аграф, 2002. 320 с.
- 8 Маркова Т. Н. Проза конца XX века: динамика стилей и жанров: материалы к курсу истории русской литературы XX века. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2003. 165 с.
- 9 Немзер А. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 432 с.
- 10 Ованесян Е. Творцы распада (тупики и аномалии «другой прозы») // Молодая гвардия. 1992. № 3–4. С. 249–262.
- 11 Першин Ю. Ю. Архаическое сознание. Сущность и принципы: дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2014. 271 с.
- 12 Пивоев В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск: Карелия, 1991. 111 с.
- 13 Смирнов И. П. Порождение интертекста. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 193 с.
- 14 Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: в 2 т. / пер. с англ. М. Рыклина. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. Т. 1. 528 с.

***

© 2019. Larisa G. Khoreva
Moscow, Russia

**BUDDHIST AND ANCIENT MYTHOLOGEMS
IN THE WORKS OF V. PELEVIN
AS A REFLECTION OF THE MODERN PICTURE OF THE WORLD**

Abstract: The turn of the 21st century has been marked by social cataclysms and disintegration of the existing social relations. The humanistic ideas of classical literature advocating the absolute value of personality came into collision with the processes of devaluation of the individual “me”. Against this background contemporary Russian literature reevaluates the principle of anthropocentrism. The author suggests examining Buddhist and ancient mythologems in Pelevin's prose, the symbiosis of which is symbolic, as it manifests the Eastern and Western mentality of the country. The unique combination of reflection of the surrounding reality with the system of archetypal images led to creation of the concept of individual myths, which puts V. Pelevin in line with such postmodernists as V. Aksenov, V. Sorokin, Y. Mamleyev. Mythologems came to be the basis of the latest postmodern literature, as they appealed to the dogmas of traditional society and contributed to the development of new behavioral strategies and protection against the possible dangers of the outside world. The author concludes that the prose of V. Pelevin dealing with archaic mythologies, which become subspecies of intertextuality, offering the reader a new structural and logical network as well as new associative characteristics.

Keywords: mytheme, Pelevin, contemporary Russian literature, world picture, Buddhism, antiquity, postmodernism.

Information about the author: Larisa G. Khoreva — PhD in Philology, The Russian State University for the Humanities, Miuskaya Sq. 6, 125993 Moscow, Russia. E-mail: novella2000@mail.ru

Received: September 18, 2018

Date of publication: December 28, 2019

For citation: Khoreva L. G. Buddhist and ancient mythologems in the works of V. Pelevin as a reflection of the modern picture of the world. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 54, pp. 257–264. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Pelevin V. *Vse rasskazy* [Complete stories]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 512 p. (In Russian)
- 2 Golosovker Ia. E. *Logika mifa* [The logic of myth]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 217 p. (In Russian)
- 3 Kuritsyn V. *Russkii literaturnyi postmodernizm* [Russian literary postmodernism]. Moscow, OGI Publ., 2000. 289 p. (In Russian)
- 4 Leiderman N., Lipovetskii M. *Mezhdu khaosom i kosmosom* [Between chaos and space]. *Novyi mir*, 1991, no 7, pp. 240–257. (In Russian)
- 5 Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. *Iz rannikh proizvedenii* [From the early works]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 393–646. (In Russian)

- 6 Lotman Iu. M. *Vnutri mysl'ashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriia* [Inside thinking worlds. Man-text-semiosphere-history]. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kul'tury" Publ., 1996. 464 p. (In Russian)
- 7 Mamardashvili M. K. *Lektsii po antichnoi filosofii* [Lectures on ancient philosophy]. Moscow, Agraf Publ., 2002. 320 p. (In Russian)
- 8 Markova T. N. *Proza kontsa XX veka: dinamika stilei i zhanrov: materialy k kursu istorii russkoi literatury XX veka* [Prose of the late 20th century: dynamics of styles and genres: materials for the course of history of Russian literature of the 20th century]. Cheliabinsk, Izdatel'stvo ChGPU Publ., 2003. 165 p. (In Russian)
- 9 Nemzer A. *Literaturnoe segodnia. O russkoi proze. 90-e* [Literary today. About Russian prose. 90s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 432 p. (In Russian)
- 10 Ovanesian E. *Tvortsy raspada (tupiki i anomalii "drugoi prozy")* [Creators of decay (dead ends and anomalies of "other prose")]. *Molodaia gvardiia*, 1992, no 3–4, pp. 249–262. (In Russian)
- 11 Pershin Iu. Iu. *Arkhaicheskoe soznanie. Sushchnost' i printsipy* [Archaic consciousness. Essence and principles: PhD thesis]. Omsk, 2014. 271 p. (In Russian)
- 12 Pivoev V. M. *Mifologicheskoe soznanie kak sposob osvoeniia mira* [Mythological consciousness as a way of mastering the world]. Petrozavodsk, Kareliia Publ., 1991. 111 p. (In Russian)
- 13 Smirnov I. P. *Porozhdenie interteksta* [A product of intertextuality]. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPBGU Publ., 1995. 193 p. (In Russian)
- 14 Frezer Dzh. Dzh. *Zolotaia vetv': Issledovanie magii i religii: v 2 t.* [The Golden branch: a Study of magic and religion: in 2 vols.], translation from English by M. Rykлина. Moscow, TERRA-Knizhnyi klub Publ., 2001. Vol. 1. 528 p. (In Russian)